

КОСТРОМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИМ. Н. А. НЕКРАСОВА

На правах рукописи

САВВИНА Элла Рафитовна

**И. С. ТУРГЕНЕВ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КРИТИКЕ 1850—1880-Х
ГОДОВ.**

Специальность 10.01.01 - русская литература

**Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

Кострома - 2003

Работа выполнена в Костромском государственном университете им. Н. А. Некрасова.

Научный руководитель -

доктор филологических наук, профессор **Ю. В. Лебедев**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор **А. Н. Таганов**

кандидат филологических наук, доцент **Н. Л. Ермолаева**

Ведущая организация -

Орловский государственный университет

Защита состоится «²⁷...» марта 2003 года в «^{12.00}...» часов на заседании специализированного совета Д 212. 062. 04 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора филологических наук в Ивановском государственном университете по адресу: 153025, Иваново, ул. Ермака, 39, ауд. 459.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке университета.

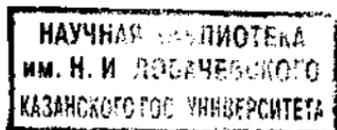
Автореферат разослан «¹⁷...» февраля 2003 г.

Учёный секретарь

диссертационного совета,

кандидат филологических наук, доцент

Е. М. Тюленева

Е. М. Тюленева

Проблема исследования и ее актуальность. В наше время, в эпоху многосторонних контактов и связей между народами, все более возрастает интерес к проблеме, связанной с восприятием творчества русских писателей-классиков за рубежом. Проблема эта не является новой. К ней обращалось отечественное литературоведение уже в конце XIX - начале XX века. Особенно интенсивным её изучение стало в советское время. Но именно тогда в нашем литературоведении произошёл заметный перекосяк. Настаивая на революционном содержании русской классической литературы, в которой, вслед за В. И. Лениным, исследователи видели «зеркало русской революции», историко-литературная наука основной акцент сделала на обличительном её пафосе. В тени оставалось позитивное содержание русской классики, имевшее, как известно, православно-христианские духовные корни. Проблема творческих взаимосвязей между национальными литературами чаще всего рассматривалась с достаточно жестких идеологических, классовых позиций. А поскольку западноевропейская литературно-художественная общественность обращала преимущественное внимание на жизнеутверждающий духовно-нравственный потенциал русской литературы, на её национальное своеобразие, в большинстве работ советского времени утверждалась мысль о ложной трактовке русской литературы в зарубежной критике. Подобное понимание существа иностранной критики о русской литературе, типичное для большинства работ советского периода, требует сейчас существенного пересмотра, уточнения и переосмысления.

Предмет предлагаемой диссертации - «И.С. Тургенев во французской критике (1850-1880)» - охватывает оценку творчества Тургенева ведущими французскими критиками с момента появления «Записок охотника» на французском языке в 1854 г. до выхода в свет книги Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» и последовавших за нею критических откликов 1880-х годов. Мы не касаемся вопроса взаимоотношений Тургенева с французскими писателями специально, так как на сегодняшний день эта проблема изучена достаточно глубоко. К ней обращались многие отечественные исследователи: В. Каренин, Н. Ф. Сумцев, А. Е. Грузинский, М. К. Клеман, О. В. Тимофеева, Л. Я. Хохулина, С. А. Андреевский, Ю. Данилин, Д. С. Гутман, М. Г. Ладария, Ю. В. Удереvский, Н. Н. Мостовская и др. В своей работе мы опираемся на исследования русских и французских учёных, посвященные проблеме «Тургенев во французской критике» (Л. В. Пумпянского, С. А. Рейсера, М. П. Алексеева, И. А. Бернштейн, М. Кадо, Анри Монго, Мориса Паржурье, Жана Смитта, Анри Гранжара, Александра Звигильского и др).

Основная цель диссертации: показать, каким виделось творчество Тургенева французским критикам, определить место, которое они отводили Тургеневу в мировой литературе, увидеть,

какие специфические особенности произведений Тургенева, их интересовали, определить, как связаны их оценки с особенностями литературного процесса во Франции периода Второй империи и Третьей республики. «Влияние русской литературы было подготовлено не только собственной её зрелостью, но и готовностью других литератур испытать влияние», — отмечает Д. М. Урнов. — Когда на Западе выявилось описанное Гегелем «обмирщение» культуры, выразившееся уже не только освобождении от власти церкви, но — упадке духовности, тогда этот дефицит и был восполнен «русскими». («Мировое значение русской литературы XIX века»: — М., 1987. — С. 243)

Методологической основой диссертации является историко-функциональный, подход к изучению литературных произведений, имеющий целью показать динамику осмысления содержания произведений И.С. Тургенева и его творчества французской критикой в разные периоды его жизни. В результате такого исследования творчество великого русского писателя предстает перед нами не в статике своего первоначального бытования, как при историко-генетическом изучении, а в динамике дальнейшего, все углубляющегося осмысления его содержания.

В работе мы используем методологические рекомендации В. М. Жирмунского, М. П. Алексева, Н. Я. Верковского, Н. И. Конрада, А. С. Бушмина о необходимости применения историко-сравнительного подхода к изучению литературы, о преемственности, традиции и новаторстве в литературном процессе и об изучении взаимодействий различных типов литературных соотношений, выражающихся в двух формах: контактные связи и историко-типологические схождения.

Научная новизна нашей работы заключается в том, что объектом исследования в ней выбраны произведения французских критиков, ранее не анализировавшиеся в отечественном литературоведении. Отталкиваясь от общепринятых положений современной компаративистики, связанных с выяснением общественно-исторических, культурно-национальных и эстетических предпосылок литературных межнациональных связей, мы обращаемся к конкретным фактам оценки творчества Тургенева французскими критиками 1850-1880-х годов, уделяя значительное внимание книге Э.-М. де Воюэ «Русский роман», изменившей восприятие русской литературы французским и западноевропейским читателем. Несмотря на популярность этой книги, личность её автора, основные вехи его биографии, а также содержание его главного литературно-критического труда ещё не было предметом специального изучения в отечественном литературоведении.

В ходе исследования анализируются и систематизируются малодоступные, неопубликованные в России научные работы на языке оригинале. Впервые осуществляется детальный текстовый анализ произведений французских авторов, посвященных творчеству

Тургенева, в том числе и не переведенных на русский язык, не исследованных у нас, в России.

Конечно, наше исследование не может претендовать на полный охват весьма обильного и разбросанного материала французской печати. Многие иностранные газеты и журналы отсутствуют в московских книгохранилищах. Однако та периодика, которая оказалась в нашем распоряжении, с помощью французских коллег и друзей, с учетом имеющихся во Франции и России библиографических указателей, достаточно полно отражает основные тенденции восприятия Тургенева французской критикой и позволяет отобразить эволюцию этого восприятия.

Как нам удалось установить, французская критика эпохи Второй империи и Третьей республики в ведущих журналах этого времени «Revue des deux mondes», «Journal des débats», «L'atheneum francais», «Revue Moderne», «Revue Britanique», «Revue bleue», а также в газетах «L'Illustration», «Temps» и др., носила в основном позитивистский характер и была озабочена проблемами развития французского реализма. Творчество Тургенева привлекало внимание критиков именно реалистической ориентации, всё более и более сознававших узость тех натуралистических тенденций, которые, начиная с Шанфлера и кончая Золя, последовательно утверждались во французской литературе.

В задачу нашей работы не вошли специальные проблемы типологии французской критики 1850–1880-х годов, вопросы внутренней литературно-критической полемики того времени, поскольку обращение французских к творчеству Тургенева носило, в основном, эпизодический характер и не являлось, особенно в 1850. – начале 80-х годов, ключевой проблемой французской литературной жизни. На общем фоне её выходы к Тургеневу были всё-таки спорадическими и проясняли скорее общую реакцию французской литературной общественности на творчество чуждого им инонационального писателя. Но тем более прояснялись этими «выходами» коренные слабости французского реализма, а взгляд со стороны тем, более высвечивал ту грань русской литературной специфики, которая от наших читателей и критиков порой ускользала.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использования её результатов в вузовских курсах истории русской и зарубежной литературы, при проведении спецсеминаров, спецкурсов и спецпрактикумов по проблемам сравнительного литературоведения. Материалы работы могут стать основой для уроков по русской литературе в средних учебных заведениях инновационного типа.

Основным положения, выносимы на защиту:

1. Не отрицая международного значения французской литературы в прошлом и наличия живых сил её в настоящем (роман Флобера «Госпожа Бовари»), Тургенев одним из первых в Европе отметил

закономерность ее идейно-эстетического спада. Он объяснял это следующими причинами: ослаблением связи французской литературы с освободительными идеалами ее страны, наличием у французов ряда национальных черт, в первую очередь, неясного и поверхностного ощущения ими «жизненной правды и простоты», тяготением к эффектам и внешней красивости и, наконец, как результат всего этого — суженным представлением французских писателей о художественной правде, что, по его мнению, и определило наличие «недоступной черты» между русскими и французскими реалистами.

2. Как верно заметил Л. В. Пумпянский, «Тургенёвым начинается нечто принципиально новое, а именно, перевес нашей литературы над западными, превращение нашей литературы в ведущую мировую литературу». Анализ литературно-критических откликов на творчество Тургенёва во французской периодике 1850–1880-х годов показывает, что французы заинтересовались Тургенёвым как представителем той русской литературы, которая поразила их не только силой художественного выражения, но и своей социальной отзывчивостью, высотой духовно-нравственного идеала. оеЗахваченные натурализмом, позитивизмом, декадансом и эстетством, западные писатели с надеждой обращались к русской литературе, искали в ней обновления.

3. Критика, обращенная к чужому национальному опыту, обладает своей спецификой, своей типологией, которую мы выявляем в диссертации на конкретном литературно-критическом материале 1850–80-х годов. Этот материал подтверждает глубину и теоретическую значимость пронизательных наблюдений Н. Я. Берковского: «Сгущенный опыт собственной национальной художественной культуры, на котором воспитан критик, который неотделим от него самого, обыкновенно сказывается в первых же общих его суждениях о русском искусстве. Он сравнивает, сам не зная того, что он производит сравнение и сравнения. Он высказывается лично, не зная, что он высказывается национально-коллективно. Статья, подписанная личным именем, нередко бывает высказываньем от имени целого века национальной культуры» (Н. Я. Берковский. О мировом значении русской литературы. Л., 1975. — С. 24–25. Курсив мой. — Э. С.). Представительство от лица целого, от лица другой национальной культуры приглушает в критике этого типа оттенки личностных убеждений, индивидуальных мировоззренческих позиций. Во всяком случае, они не играют существенной роли и, как правило, не отражаются на сути тех целостных оценок, которые даёт французская критика явлениям чужой национальной литературы.

4. Процесс широкого выхода Тургенёва, а вслед за ним и всей русской классики, на западноевропейскую литературную арену в 1880-е годы не был явлением внезапным и одномоментным. Ему предшествовал длительный период постепенного пробуждения во французской литературной общественности внимания к творчеству

Тургенева с 1850 до 1870-х годов включительно. Исследование показывает, что именно здесь вызревали предпосылки и готовилась духовно-эстетическая почва для того качественного скачка в освоении русских писателей, который произошел в 1880-е годы и был ознаменован появлением во Франции книги Вогюэ, сразу же переведенной на все европейские языки и сыгравшей ключевую роль в «победном шествии» нашей литературы по странам Западной Европы.

5. Вогюэ не случайно оказался наиболее глубоким ценителем творчества Тургенева и русской литературной классики XIX века. Изучение биографии, эпистолярного наследия, дневников, монографий западноевропейских ученых о Вогюэ показывает, что своё приобщение к духовным основам русской культуры литературный критик, писатель и дипломат начал с Византии, проявив личностную увлеченность восточной ветвью христианства. В России он показал себя не только как дипломат, но и как литератор, оказавшийся в центре русской литературной жизни 1870 - начала 1880-х годов. Знание русского языка, женитьба на русской женщине А. Н. Анненковой, многочисленные путешествия по России, личное знакомство с ведущими русскими писателями дали Вогюэ органически почувствовать национальное своеобразие нашей литературы. Это проявилось не только в «Русском романе» Вогюэ, но и в его исторических произведениях из русской жизни, а также в «Письмах из России», рассмотренных в диссертации.

6. Французская литературная критика о Тургеневе 1880-х годов (Э.-М. де Вогюэ, Эмиль Эннекен, Эрнест Дюпи, Мишель Делин, Поль Бурже и др.), выявила самые существенные черты национального своеобразия писателя, имеющие общее, типологическое значение для всей русской классики XIX века:

- особое положение русского писателя в стране, где литература остаётся еще универсальной формой общественного сознания;

- глубокий православно-христианский подтекст, проявляющийся в духовно-нравственном содержании и художественной форме тургеневских очерков, рассказов, повестей и романов;

- отсутствие узкой литературной специализации, наличие в искусстве Тургенева глубоких эпических начал;

- верность русского писателя триединству красоты, добра и правды, отсутствие одностороннего эстетизма или прямолинейного морализма;

- умение извлекать поэзию из жизненной прозы, внимание к «маленькому человеку», талант христианского по своей природе сострадания;

- исторический оптимизм.

Структура диссертации. Диссертация состоит из двух глав, введения, заключения и списка использованной литературы (192 источника, в том числе 105 на французском, английском и немецком

языке).

Во «Введении» определяются предмет, цели и задачи исследования, методологическая база диссертации, дается аналитический обзор русской и французской литературы по теме, определяется степень изученности вопроса, формулируется актуальность и научная новизна диссертационного исследования.

В первой главе «Творчество И. С. Тургенева в оценке французской критике 50–70 гг. XIX века (от «Записок охотника» к роману «Дым»)» речь идет о том, как складывалось во Франции восприятие первых произведений русского писателя, правдиво показывавших жизнь русского народа французскому читателю, восприятие, во многом ставшее впоследствии традиционным при оценке не только произведений Тургенева, но и многих других явлений русской литературы. Особое место в этой главе отведено вопросам, мало или вовсе не исследованным в истории отношения французских литераторов, к работам русского писателя. Композиция этой главы подчинена хронологическому принципу. Анализ оценки творчества Тургенева критикой проводится на основе книг, журнальных статей, рукописей и дневников французских критиков: Шанфлери, Риго, Мериме, Тэна, Бенсона, Делава и др.

Первый перевод «Записок охотника» появился во Франции в 1854 году, в тот период, когда политическая обстановка и незнание действительной русской жизни французами вызвали большой интерес к России. Особенно важным зарубежному читателю казалось знакомство с произведениями русской литературы, так как уже первые из них убеждали в ложности и бессмысленности расхожих представлений о «ледяном сфинксе». Книга позволяла выяснить истинное положение дел в России, она ярко представляла картину крепостного права. Все писавшие о «Записках охотника» приглашали обратиться к этому беспристрастному свидетельству, для того чтобы выяснить истинное положение вещей в России. Но настоящим откровением не только для Франции, но и для всей Европы, был образ русского крестьянина, впервые показанный без идеализации и принижения, с огромным душевным богатством и бесконечным разнообразием человеческих качеств. Одни критики определяли русский народ как воплощение кротости и смирения, другие – свободолюбия и даже бунтарства.

Говоря о значении книги, Шарьер сравнивает «Записки охотника» в своем предисловии к переводу с «Хижинной дяди Тома» Бичер Стоу. Это сравнение стало традиционным. Во Франции нет почти ни одной работы, говорящей о «Записках охотника», где автор не вспомнил бы Бичер Стоу. Впрочем, отмечается не столько сходство, сколько принципиальное отличие творческого метода двух писателей. Французские критики отмечают, что при всей своей документальности «Записки охотника» сохранили качества первоклассного художественного произведения: они высоко оценивают сочетание

правдивости и идейности, не свойственное французской литературе того времени, и видят в этом оригинальность Тургенева. Самые первые статьи о Тургеневе пользуются его именем, как орудием литературной борьбы.

Тургенев привлек внимание реалистов потому, что в его книге оказались разрешенными трудные для новой школы вопросы творческого метода, особенно ясно проступающие на материале крестьянской жизни. Однако французские реалисты не видели, в чем же отличие метода Тургенева от реализма их школы. Выдвигая требование правдивости изображения, отказа от романтического вымысла, демократизации тематики, французская реалистическая школа сильно ограничивала, вместе с тем, круг своих наблюдений малозначительными эмпирическими фактами, отказываясь от постановки значительных идейных проблем, от постижения социальных закономерностей современного общества. Тургенев глубоко почувствовал эту ограниченность, характеризуя группу Шанфлери в письме, к С. Т. Аксакову: «Бальзак выдвигается идиолом, и новая школа реалистов падает в прах перед ним, рабски, благоговей перед случайностью, которую величают «действительностью и правдой».

В 1860-х годах критики уже ставят Тургенева в один ряд с крупнейшими европейскими реалистами. Почти сразу после появления в России все его произведения переводятся и печатаются во французских журналах. Основным достоинством тургеневских романов называется умение сочетать реализм и поэтичность. Если при появлении первого перевода, «Записок охотника» реализм Тургенева противопоставляется, прежде всего, романтическому вымыслу тенденциозного романа, то в дальнейшем французская критика подчеркивает то, чем он выгодно отличается от реалистических направлений Франции. Уже в 1858 году в предисловии к своему переводу «Записок охотника» Делаво находит одно из важнейших достоинств книги в «умении обойти обычную вульгарность реалистов», не отказываясь от правды изображения. В этом основная мысль и всех критических работ Мериме о Тургеневе, ее же настойчиво проводили Бенсон, а также все критики, писавшие о Тургеневе в это время. Эта мысль стала традиционной во французской критике, и впоследствии именно это качество тургеневского творчества противопоставлялось натурализму 1870-80-х годов.

Главное внимание критики 1860-х гг. обращено на то, чтобы постигнуть, каким образом Тургеневу, удастся преодолеть эти недостатки современного французского реализма. Теперь Тургенев-поэт выступает на первый план. Почти все критики цитируют описания природы из «Бежина луга», «Призраков» и других произведений, не уставая восхищаться их мастерством, свежестью, задушевностью, поэтическим очарованием. Подчеркивается то лирическое звучание, которое писатель умеет вносить в свое повествование, связанность

пейзажа и действия в общей гармонии, «что-то туманное и меланхоличное, что заставляет мечтать» (Л. Леже).

Сочетание строгого реализма и поэтической одухотворенности критика находит и в образах его героев, особенно героинь. Бенсон считает, что тургеневские девушки «самое возвышенное из всего, что встречалось до сих пор в романе» и, наряду с этим, отмечает глубокое знание Тургеньевым женской психологии.

Французские критики начинают обращать внимание на Тургеньева-психолога, пытаясь найти в его психологическом мастерстве разгадку той легкости, с которой он преодолевает второй недостаток современного реализма - серость и обыденность «среднего героя». Критики подмечают общечеловеческую правдивость его героев, не пытаясь обнаружить в них специфические русские черты, особенно их интересует то сочувствие к людям, тот христианский гуманизм, который будет позднее определен как основная черта русского реализма.

В 1870-х годах романы Тургеньева еще воспринимаются как отражение реальной политической борьбы. В своей статье «Русский социализм и новый роман Тургеньева» Курьер предлагает считать творчество Тургеньева тончайшим выражением современного революционного движения в России. Он рассматривает романы «Отцы и дети», «Дым» и «Новь» как своего рода трилогию о русском нигилизме, показывающую три этапа его развития. В дальнейшем такой взгляд на эти три романа становится традиционным. В «Отцах и детях» Курьер обнаруживает, так сказать, философское становление нигилизма. В «Дыме» критик находит отражение дальнейшего развития нигилизма. Наконец, в «Нови» он видит третью и последнюю эволюцию нигилизма - переход от интеллектуальной эмансипации к политической. Критики этого времени видят в Тургеньеве лучшего знатока русского революционного движения, первого человека, обнаружившего его в зародыше и давшего ему имя «нигилизм», недаром Мопассан назвал свою статью о Тургеньеве «Изобретатель слова нигилизм». Слово «нигилист» стало общеустановленным во Франции для обозначения русского революционера вплоть до той эпохи, когда ему на смену пришло слово «большевик».

Однако критика 1870-х годов, посвященная Тургеньеву, интересна и с другой стороны. В некоторых публикациях впервые высказываются мысли, которые впоследствии лягут в основу знаменитой книги Воюэ «Русский роман». Правда, речь тут идет пока только о Тургеньеве, а не о русской литературе в целом, но примечательно, что именно в творчестве Тургеньева, который в период наибольшего успеха русского романа во Франции считался наименее типичным для русской литературы писателем, впервые обнаруживаются качества, признанные впоследствии типичными для всей русской литературы. Основной чертой, отличающей Тургеньева от натуралистов с их равнодушным

скептицизмом в изображении народа, критики называют сочувствие.

1870-е - начало 80-х годов были эпохой наибольшей популярности Тургенева во Франции. Художественное совершенство тургеньевского творчества вызывает восторг критиков. Они восхищаются его умением добиваться могучих эффектов с помощью простых средств, его простотой, гармонией, тем чувством меры, которое, по их мнению, является важнейшим условием художественности. Французские критики говорят не только о техническом совершенстве, но и о поэтической прелести искусства Тургенева: его пейзажи называются непревзойденными, особенно отмечается живописное мастерство, изысканная тонкость, высокое поэтическое очарование, которые делают Тургенева самым совершенным из пейзажистов.

Вторая глава диссертации «Книга Э.-М. де Вогюэ «Русский роман» и французская критика о И.С. Тургеневе 1880-х годов» укладывается в рамки, подготовленные первой: мы разъясняем неизбежность появления книги Э.-М. де Вогюэ «Русский роман», а также определяем место, которое в ней занял И.С. Тургенев.

Ни одна из предыдущих работ, посвященных русской литературе в целом и творчеству Тургенева в частности, ни по своему содержанию, ни по степени вызванного ими резонанса не идут в какое-либо сравнение с «Русским романом» Вогюэ. Цель Вогюэ в отличие от его предшественников заключалась не в сообщении фактических данных о русских писателях, а в проблемном синтетическом очерке русской литературы. Опуская всё второстепенное, он удачно выдвинул на первый план то, что его современникам казалось в русской литературе новым, необычным и достойным серьезного изучения.

Один из разделов главы посвящен биографии и творческому пути Эжена-Мельхиора де Вогюэ, так как оригинальная личность автора оставалась мало изучена даже на его родине, во Франции. Не удивительно, что о нем почти ничего не известно у нас в России, хотя можно наблюдать частые ссылки на его книгу «Русский роман», которая была предметом широкого анализа для нескольких поколений историков литературы.

К тому, чтобы писать о русском реализме, Вогюэ был подготовлен довольно хорошим знакомством с русской жизнью. Дипломат по роду службы, он прожил в России с 1876 по 1882 год и за эти 6 лет не только изучил русский язык, но и обстоятельно познакомился с прошлым и настоящим страны. Занимаясь русской литературой, Вогюэ одновременно написал ряд исторических и публицистических статей. Вопреки мнению советских исследователей, Вогюэ верно представлял значение религии для русской литературы.

«Русский роман» появился в тот момент, когда и с литературной, и с политической точки зрения для этого была подготовлена почва. Основными литературными направлениями в 1880-х

годах во Франции были романтизм и натурализм. У каждого из них были свои недостатки. Романтизм страдал склонностью к «фразе», «трескучим эффектам» и холодной риторике, безудержным субъективизмом, отсутствием простоты, естественности, чувства меры и т. п. Натуралисты же, предпочитая поэтическому вымыслу, опиравшемуся на реальность, «научный», бесстрастно-исследовательский метод отражения жизни, попадали в плен натуралистической эмпирии. Писателей-натуралистов справедливо обвиняли в холодном объективизме, в отсутствии у них энтузиазма, веры в идеал. И форма, и радость искусства исчезли у натуралистов, развенчание человека привело к тому, что искусство перестало говорить, утратило орган выражения, мир стал гнетущим, бессмысленным зрелищем, исключаящим человеческую свободу и творчество, жизнь лишилась роста, внутреннего подъема и внутренней связи, оказалась врагом поэзии. Сущность подлинной поэзии, одушевляющей совершенные произведения в любом роде искусства - примирение идеального с реальным, т.е. органический синтез этих начал, - французские писатели к тому времени утратили. Что касается массового русского героя, то уже Вогюэ почувствовал, что он не такой, как в позднем реальном романе Запада. Не такой «микроб», «атом», к которому, по словам Вогюэ, Запад сводит массовый человеческий тип в социальном анализе, доверяя лишь простейшим величинам. Вогюэ разницу усматривал в том, что Запад научно-бесстрастно вырисовывал этого «простейшего» человека, русские же писатели чувствительны: маленький человек, на котором лежит общественное здание, вызывает у русских жалость, христианскую симпатию. Вогюэ немедленно нашел общую формулу для русской литературы - «социальное сострадание», «la pitié sociale» - и с ней он отныне не расставался.

Книга Вогюэ была актуальна прежде всего для самих французов. В русской литературе Вогюэ нашел искомый идеал, который утратила литература французская. Для нас же его книга интересна именно взглядом со стороны. Важно подчеркнуть, что она написана не как история литературы, а скорее как произведение, предназначенное в какой-то мере для духовного перевооружения нации. В ее основе лежат размышления Вогюэ о конфликте материализма и духовности, в ней автор размышляет о человеческой участи, не обращаясь к поиску исторической и литературной правды. Исследования, представленные в «Русском романе», имеют четкую цель - раскрыть для французов через литературу загадочную Россию.

Самыми существенными качествами русского романа Вогюэ считает, во-первых, его моральную ценность, стремление проникнуть в сущность вещей, «постигнуть тайну мироздания», философски осмыслить мир. В этом он видит существенное преимущество русских писателей перед французами, намеренно ограничивающими свой

горизонт пределами видимого мира, серой банальностью повседневной жизни. Милосердие/ религиозное чувство не только возводится Вогюэ в одно из необходимых условий эстетики, но он в них видит единственное спасение для французской культуры, оказавшейся в тупике натурализма.

Вогюэ нашел у русских писателей то, что он называл формулой настоящего произведения искусства, а именно, объединение реалистического описания и духовной идеализации. Поэтическое искусство, по Вогюэ, отстаивает единство духа и материи; красота в искусстве - синоним правды; правда - это жизнь; красота, добро и правда находятся в гармонии. Вогюэ противопоставляет Восток и Запад, бесконечно большое и бесконечно малое, чтобы в дальнейшем их синтезировать.

Увлеченность автора русской литературой сыграла свою положительную роль. Чуткость Вогюэ сказалась уже в верном отборе и выделении главных представителей русского реализма, которым посвящены его статьи. Это Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский. Вогюэ касается, но вскользь, творчества Гончарова, Писемского и Островского. В русском романе Вогюэ обнаружил новаторские черты и секрет его художественной силы открыл в общечеловеческом, подлинно мировом содержании заложенных в нем идей и образов.

В произведениях русских писателей он восхищался их чудесным мастерством - поэтической силой романов Тургенева, проникновенностью психологического раскрытия «черных» или «раненых» человеческих душ у Достоевского, глубокой человечностью спокойного объективного повествования о людях у Толстого. Его особенно поразило умение русских писателей, не впадая в банальность, изображать жизнь простых, обыкновенных людей, взятых в самой обыденной, повседневной обстановке.

Хотя, по мнению Вогюэ, у русских славо искусство формы, они не умеют конструировать роман, они неясны в своих высказываниях, пространны и медлительны, но, в то же время, они пронизательны, естественны, искренни: что их спасает, так это милосердие. У русских он находит добропорядочность, религиозные чувства, симпатию к униженным, абсолютное понимание внутреннего мира человека. Этот реализм, возвращенный религией, идет глубже, чем поверхностная ирония французов. Вогюэ говорит о русских то, что Тэн сказал об англичанах: «Они любят людей больше, чем искусство, тогда как французы пишут из любви к искусству, а не человеку».

Ключ к объяснению русской литературы Вогюэ искал в национальном своеобразии, или, как он выражался, в «русской душе» - «L'ame russe». Интереснейшим и наиболее оригинальным проявлением «русской души» в литературе Вогюэ находил художественный реализм русского романа. В человечности и поэтичности русского реализма он видел источник художественного обновления литературы Западной

Европы. «Русский роман» оказал большое влияние на доследующее изучение русской литературы в зарубежном литературоведении.

Картина Тургенева и его творчества, представленная в «Русском романе», до сих пор популярна среди французских литературоведов-славистов. Именно Вогюэ увидел в Тургеневе то, чего была лишена французская литература: особого типа реализм, который, сохраняя верность действительности, не впадает в натуралистическую односторонность, а сохраняет ту духовно-нравственную высоту, которая была когда-то свойственна французскому романтизму, и которую французский реализм, давший крен в сторону натурализма, начисто растерял.

У Вогюэ мы находим раз и навсегда отмеченные основополагающие оси, вокруг которых и до наших дней организуются чтения и интерпретации творчества русского писателя. Для Вогюэ русский Тургенев воплощал в себе добросердечие своего народа, наивную доброту, чистосердечие, простодушие, смирение, покорность судьбе. Стоит отметить и классическую характеристику «фразы» Тургенева, которая течет медленно, как воды великих русских рек. Эта фраза всё захватывает с собою, отображая полноту созерцания жизни.

В произведениях Тургенева Вогюэ особенно поражает то, что авторское «я» не выпирает на поверхность, не демонстрирует себя, как будто вообще исчезает, что было очень непривычно для француза. Вогюэ называет Тургенева отцом русского романа, соединившем в своей манере Жорж Санд и Бальзака. Как и Бальзак, Тургенев написал свою «человеческую комедию», может быть, с меньшей методичностью, отточенностью, оформленностью, - но зато с большей сердечностью, с большей верой, а потому и с большей гармоничностью в языке.

В своих произведениях Тургенев пренебрегал бравурными описаниями, бьющими на эффект, что было истинно русской чертой. В романах русского писателя наблюдается удивительная органика, каждая подробность драгоценна лишь в связи с целым. Тургенев подмечал течение нарождающихся в переходную эпоху идей и воплощал в типы различные состояния духа времени. Он обладал на этот счет редкой остротой художнического зрения.

Таким образом, Вогюэ впервые почувствовал роль Тургенева как писателя-первопроходца в русской литературе его времени, романы Толстого и Достоевского вырастают, по его мнению, из Тургенева. Вогюэ высказал мысль о том, что искусство Тургенева заключалось в умении изображать жизнь сердца, жизнь души человеческой во всей их полноте: «он умел, касаясь известных струн сердца, заставить глухо звучать все остальные». Русский писатель не извлекает из жизни ради эффекта только крупные, яркие, доминирующие проявления, он помнит о сложности жизни и о ее полноте, остается верен правде.

В произведениях Тургенева нет сложных интриг и необычайных приключений, - на которые падок французский роман. Тургенев

изображает саму жизнь, которую он видит сквозь человеческую душу. Факты жизни интересуют его лишь в меру их влияния на нравственное существо человека. Все наслаждение его в изучении характеров простых, взятых из повседневной жизни.

Краткость, сдержанность делает Тургенева единственным в своем роде писателем, чьи произведения не страдали расплывчатостью. Ясность и точность – столь редкие у русских прозаиков, по мнению Вогюэ, результат французского влияния. В каждом резюме по романам Тургенева Вогюэ проявляет удивительную проникающую интуицию в понимании психологии, состояний души и природы.

Особый акцент Вогюэ делает на роль произведения искусства и писателя в России. По мнению виконта, для француза литература – это: приятное, утонченное времяпровождение, отвлечение от насущных интересов жизни, мимолетное и поверхностное впечатление. Француз читает книгу мимоходом, одним глазом, спеша к своим делам. Иное отношение к литературе в России. Для русского литература – не баловство, не предмет роскоши. Она для него насущный хлеб духовный. Вогюэ связывает это с юностью русской нации, которая и питает великую литературу. Такое во Франции было в средние века – и все это теперь утрачено. Западные писатели уже не живут так – «в такой степени и в таком контакте» с той жизнью, которую они изображают. В России же писатель – вождь нации, носитель новых идей, создатель языка, т.е. поэт в древнем и полном смысле слова: «vutes, поэт, пророк». В России литература – «часть общества; писатель не «рисует», не «развлекает общество – он принадлежит обществу: дистанции между ними нет.

Книга Вогюэ послужила толчком к появлению целого ряда тургеневедческих штудий во французской критике конца XIX – начала XX вв. Для эпохи конца 1880-х – начала 1890-х годов наиболее показательными являются книги о русской литературе, появившиеся в изобилии после напечатания «Русского романа» Вогюэ. К моменту смерти Тургенева его слава во Франции и во всей Европе достигает своего апогея. Об этом свидетельствует волна полных самых восторженных оценок некрологов, появившихся во всех европейских странах. В скончавшемся писателе теперь единодушно признают классика, гения мирового значения. Влияние русского романа на французскую литературу становится общепризнанным фактом.

Симптоматично, что практически все французские критики, анализировавшие творчество русского писателя, особенно пристальное внимание обращали на те стороны его произведений, которые были свойственны только русской литературе, а иногда и только перу самого Тургенева. Именно национальные особенности вслед за Вогюэ так привлекали их в творениях русских классиков.

Критика отмечает, что произведения Тургенева пользуются неизменным расположением ведущих органов французской печати,

выдержали значительное количество изданий и имеют значительную группу почитателей среди французской публики. Больше всего критику теперь интересуют вопросы социальной значимости его творчества, этического смысла произведений, художественного метода, противоположного французскому натурализму. Возникает вопрос о национальном своеобразии русской литературы, который оказывается теперь в центре внимания.

Именно в это время была предпринята попытка показать Тургенева как социального писателя. Примечательна в этом отношении работа Эрнеста Дюпи, вошедшая в книгу «Великие мастера русской литературы» (1886). Критик выдвигает на первый план социальный смысл тургеневских произведений. «Тургенева интересовали, прежде всего, политические и социальные вопросы, и этот пристальный интерес к ним породил все его великие произведения. С начала и до конца своего творчества Тургенев делал только одно: он отражал чувства русского народа, выражал его надежды и чаяния, заботливо отмечал и изображал со всей искренностью движения прилива и отлива общественного мнения». В соответствии с этим Дюпи рассматривает «Записки охотника» как остро обличительное произведение.

Такое же большое значение придает социальному содержанию творчества Тургенева другой критик - М. Делин, выпустивший в эти же годы две книги, посвященные русской литературе: «Земля в русском романе» и «Неизвестный Тургенев» (1888). Особое внимание обращается на книгу «Земля в русском романе», в которой автор, говоря об отличии творческого метода Тургенева от натуралистов, прежде всего указывает на социальное содержание произведений Тургенева и их философскую значимость, т. е. на то, что делает его решительным противником теории «искусства для искусства». В «Записках охотника» он видит не просто зарисовки с натуры, а философско-художественное обобщение, имеющее антикрепостническую направленность.

Этой же социальной направленностью критик объясняет другое существенное отличие произведений Тургенева от французского натурализма, характерное для всей русской классической литературы, - его умение показывать страшную правду жизни, не становясь тривиальным, не угнетая читателя нагромождением безобразного. Он отмечает, что Тургенев изображает безобразное только в том случае, если оно представляет собой нечто социально значимое. Это объяснение различия творческого метода Тургенева и французских писателей-натуралистов не встречалось до тех пор в таком четком виде во французской критике, хотя на сам факт различия в подходе к безобразному она указывала неоднократно.

Поль Бурже в своем глубоком и полном тонких замечаний этюде о Тургеневе указывает, что симпатия к людям и мягкость отличают пессимизм Тургенева от пессимизма Флобера. Бурже объясняет это

различие отличим латинской расы от славянской, которой вообще свойственна мягкость. Тургеневу также присущ, по его мнению, пессимизм высоко развитого цивилизованного сознания, остроощущающего страшные противоречия современной жизни. Но этот пессимизм лишен того абсолютного отрицания и Презрения к людям, которые так мрачно окрашивают меланхолию его французских собратьев по перу: у Тургенева сохранилось великое чувство, спасающее его от пустоты и отчаяния, — любовь к родине, связь с ее Народом, желание служить ей. «Неотступная мысль о его народе — вот что постоянно поддерживало в нем это пламя любви. Казалось, все его книги написаны с единственной целью — служить ей». Именно этим объясняет Бурже этический пафос Тургенева: тот факт, что, несмотря на способность автора не закрывать глаза на мрачные стороны жизни, его произведения производят облагораживающее впечатление, они не убивают веру в человека и жизнь, как произведения Флобера, а напротив, укрепляют ее.

Видный критик Эмиль Эннекен в книге «Les écrivains français» (1889) связывает необыкновенное совершенство психологического мастерства Тургенева с любовью к людям и с «интимным даром проникновения». «Его романы проникнуты симпатией и пониманием своих персонажей, которых он показывал более полно, чем другие писатели». Оригинальность Тургенева-психолога в широком понимании человека с его добром и злом в их переплетении и взаимобусловленности. Главную прелесть Тургенева-психолога Эннекен видит в передаче неуловимых душевных движений, в «искусстве светотени». Это же искусство составляет, по мнению критика, неподражаемую оригинальность Тургенева-пейзажиста.

Особое внимание Эннекен обращает на исключительную способность сострадания, а также умение чувствовать другого как самого себя. Французским критиком отмечается и сознание несовершенства человеческой природы, ее первородной греховности, что порождает умение прощать и талант находить высокое духовное содержание в малом и слабом: особая любовь к человеку, умение сохранить доверие к нему даже в униженном и жалком облике его.

Эннекена привлекает отсутствие жестокости и прямолинейности в оценках человека, свойственных французским писателям. Произведения Тургенева наполнены «благоразумной простотой, пронизательностью и сочувствием, самые отталкивающие его создания имеют проблески доброты». Анализируя творчество русского писателя, критик делает очень точное замечание об удивительной «заманчивости, незаконченности и загадочности» его произведений. Таким образом, Эннекен подчеркивает стремление Тургенева не доводить искусство формы до претензии на абсолютное совершенство: за всем познанным — тайна, бездна непознанного.

Благодаря такой манере письма в характерах героев Тургенева

всегда остается право на неожиданность, на случайность, на выход из нормы. Характер у него детерминирован не абсолютно, как у французских натуралистов, и никогда не может быть объяснен и разгадан полностью. Он сохраняет право на непредсказуемость, на неожиданность. Отсюда же и способность Тургенева открывать в литературе отдельного человека - неповторимую индивидуальность, а не «человека вообще», и «дымка», окутывающая все созданные писателем образы, подчёркивает их неисчерпаемость. Искусство Тургенева - «вспышка», внезапное освещение при сохранении темного фона (тайны, загадки, глубины жизни)». Эннекен обращает особое внимание на то, что образ у Тургенева - не тип, не обобщение, а именно особенная личность. Французский критик одним из первых точно подметил «нелогичные особенности» в женских характерах.

Эннекен говорит об опасности современной цивилизации, развивающей в людях утонченный интеллект, аналитические способности, которые приглушают в человеке волевое начало: он придает теме «лишнего человека» у Тургенева глобальное философское звучание - «лишним» у него оказывается человек современной европейской цивилизации, в котором однобокое развитие разума и анализа убило энергию воли, действия, поступка.

«Поэтическую реальность», умение найти в душе человека нечто прекрасное, поэтическое или мучительно сложное, не поддающееся вульгарно-материалистическому объяснению, оценила французская критика в Тургеневе как его оригинальное достоинство. На примере Тургенева критика обратила особое внимание на то, что русская литература может почувствовать и изобразить не только людское страдание, смирение и нравственное очищение, но и красоту, поэтичность человеческих чувств, тончайшие оттенки той радости, которую дарит человеку их расцвет. При определении различия между Тургеневым и натурализмом критики обычно кладут в основу тургеневское умение изображать прекрасное так же, как его веру в людей и любовь к ним.

В **Заключении** подводятся общие итоги проведенного исследования, формулируются выводы, намечаются перспективы дальнейшего изучения проблемы «И. С. Тургенев во французской критике конца XIX - начала XX вв».

Содержание диссертации и выводы исследования изложены в опубликованных статьях автора:

1. Саввина Э.Р., И.С. Тургенев глазами французских критиков XIX века // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 1999. - №4. - С.82-86.
2. Саввина Э.Р. Тургенев во Франции (70-е - 90-е годы) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001. - №3. - С.69-76.
3. Саввина Э.Р. Вогюэ и «Русский роман». (И. С. Тургенев в «Русском романе») // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001. - №4. - С.63-73.